

ББК 63.3(2)51

А.А. Курапов

Буддийская монашеская община приволжских калмыков и Российское государство в XVII – начале XVIII в.

Ключевые слова: идеология, буддизм, Гелуг, духовенство, сангха, ханство, шерть, элита, община, посольство, паломничество.

Key words: ideology, the buddhism, Gelug, clergy, sangha, khanate, shert, elite, a community, embassy, pilgrimage.

Одним из актуальных направлений современной исторической науки являются исследования влияния идеологии на политические процессы, происходящие в обществе и государстве. В истории государств, принявших буддизм в качестве государственной идеологии, вызывает несомненный интерес процесс последовательной реализации в государственной политике основных положений буддийского учения. Буддизм получает широкое распространение у исторических предков калмыков – западных монголов (ойратов). В результате откочевки ойратских племенных группировок торгоутов и дербетов на рубеже XVI–XVII вв. в Россию, в Нижнем Поволжье было сформировано Калмыцкое ханство, которое, как известно, оказало серьезное влияние на политическую жизнь региона.

Представляется весьма актуальным исследование основных направлений политической деятельности как всей буддийской монашеской общины ханства в целом, так отдельных ее представителей в процессе формирования калмыцкой государственности, со светской элитой ханства и с российской администрацией. Все это позволит целостно рассмотреть особенности социально-политического развития ханства, его внешнеполитической деятельности, взаимодействия российского правительства и калмыцкой аристократии с учетом влияния на него религиозного фактора как одного из основополагающих в жизни калмыцкого общества в XVII–XVIII вв. Основы изучения калмыцкого буддизма были заложены в работах историков и путешественников XVIII в. – И.Г. Георги, И.И. Лепехина, С.Г. Гмелина, П.С. Палласа, Н.П. Рычкова. Необходимо отметить, что данные исследования носят этнографический характер, фрагментарны и практически не содержат сведений о политической истории и общественных отношениях в Калмыцком ханстве. Историография XIX в. значительно расширила проблематику исследования. В работе Н.Я. Бичурина впервые детально рассмотрено ойратское законодательство 1640 г. «Ики цааджин бичиг» [1, с. 20]. В статье Ф. Бюллера «Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы» исследована экономическая жизнь буддийской общины: вопрос о собственности, подвластном населении –

шабинерах [2, с. 15]. А.М. Позднеев в работе «Очерки буддийских монастырей» подчеркивал генетическую связь калмыцкой буддийской общины с единоверцами Монголии [3, с. 11]. Значительным вкладом в отечественное калмыковедение стали вышедшие в 20-е гг. XX в. «Этюды по истории приволжских калмыков» Н.Н. Пальмова. Основываясь на систематическом анализе архивных материалов, автор рассмотрел основные этапы социально-политической истории Калмыцкого ханства и роль в ней отдельных представителей буддийского духовенства [4, с. 148]. Значительный вклад в изучение истории буддизма в Калмыцком ханстве внесла Г.Ш. Дорджиева, в работе которой подробно рассмотрены роль буддийской общины в калмыцком обществе в XVII–XIX вв. [5, с. 12].

Отдельные проблемы политической истории буддийской монашеской общины Калмыцкого ханства анализируются в ряде работ, опубликованных в конце XX – начале XXI в. В монографии Э.П. Бакаевой «Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки» определены этапы распространения буддизма в регионе, охарактеризован правовой статус буддийской общины [6, с. 18–19]. Важным этапом в историографии ойрато-калмыцкого буддизма становятся исследования Б.У. Китинова. На основании широкого спектра тибетских источников автор рассмотрел историю распространения и утверждения буддизма у ойратов в доджунгарский период (XIII–XVII вв.), взаимодействие буддийской общины и государства, распространения у ойратов различных школ тибетского буддизма [7, с. 141; 8, с. 123].

Необходимо отметить, что несмотря на многочисленные исследования политической истории буддизма в национальных традициях Монголии, Бурятии, Тувы, история буддийской монашеской общины периода Калмыцкого ханства не стала темой специального исследования. Проблемы взаимодействия общины с национальной светской элитой, роль буддизма во внешней политике Калмыцкого ханства, реализация в рамках национальной традиции социально-политической доктрины буддизма остаются неизученными, что определяет необходимость целенаправленного исследования. В этой связи основная цель данной статьи – определить роль буддийского духовенства в социально-политической истории Калмыцкого ханства в XVII – начале XVIII в.

История буддизма у западномонгольских племен ойратов (исторических предков калмыков) харак-

теризуется влиянием их политической истории, международного положения, развития социально-экономических отношений на функционирование буддийской общины в социуме. К рассматриваемому периоду (XVII в.) буддизм как религиозная идеология был хорошо знаком ойратам. К периоду принятия буддизма школы Гелуг, ставшего идеологической основой формирования калмыцкой монашеской общины – сангхи, в ойратском обществе сформировались основные предпосылки принятия буддизма. В процессе формирования основных политических институтов и особенностей внешней и внутренней политики Калмыцкого ханства как новой политической единицы Нижневолжского региона значительную роль сыграло буддийское духовенство, в начале XVII в. вошедшее в политическую элиту ойратского союза. Статус буддийской идеологии и ее носителей предопределил особую роль буддийских священнослужителей в политических и социально-экономических процессах, происходивших в Джунгарии и на Нижней Волге в XVII в.

В результате сложной социально-политической ситуации в конце XVI в. в Западной Монголии (недостаток пастбищных территорий, обострение междоусобной борьбы в ойратском союзе, внешнеполитические осложнения) торгоутские и дербетские правители продвигают свои кочевья на север и северо-запад, в пределы Южной и Западной Сибири, к Таре, Тюмени, Тоболу. Торгоутское племенное объединение Хо-Урлюка, потерпев поражение от ойратского правителя Чокура, отступает под Тару, позднее к Яику [9, с. 145]. Именно в этом регионе со второй половины XVII в. в результате длительного социально-политического процесса формируется Калмыцкое ханство. Документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) свидетельствуют о значительной роли буддийского духовенства в формировании нового государства. Буддийское духовенство активно участвует в формировании традиции политического взаимодействия с представителями российского правительства в регионе. В 1636 г. в ответ на посольство Т. Петрова в Тобольск отправляется посольство Хо-Урлюка во главе с Билюктой Могундеевым. В состав посольства, призванного подтвердить лояльность торгоутов российскому правительству в тяжелый для племенного объединения политический период, вошли представители буддийского духовенства улуса Хо-Урлюка: «...от лабы от Бутурая – Кула Габутахаев, да с ним четыре человека, да от лабы от Чорти – Соман с манджиками» [10, с. 86]. В 30-е гг. XVII в. послы от лам улуса Хо-Урлюка – Чорчи и Бутурая – фигурируют в русско-калмыцких переговорах, активно участвуют в экономическом взаимодействии калмыков с русскими городами [10, с. 216].

Уже на начальных этапах формирования Калмыцкого ханства буддийское духовенство оказывается

втянутым во внутривполитическую борьбу светской элиты. Активный противник политического сближения с Россией, сторонник возвращения в Джунгарию младший сын Хо-Урлюка – Лаузан – предотвращает переход в российское подданство одного из калмыцких владельцев – Ирка-тайши: «...дядя Лаузан-тайша Урлюков сын узнав что он Ирка-тайша Дайчинов сын хочет быть под твоей царской рукой в вечном холопстве и со всеми своими улусными людьми аманатов на Уфу прислать хочет и он де Лаузан-тайша велел его Ирку-тайшу опить зельем лабе своему» [11, с. 33].

В этой сложной политической ситуации старший сын Хо-Урлюка Дайчин активизирует переговорный процесс с Россией. В июне 1644 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство во главе с бакши (буддийским священнослужителем) Совинг [12, с. 75]. Основной задачей посольства становится обсуждение возможности налаживания регулярных русско-калмыцких торговых отношений. Несмотря на то, что посольство 1644 г. не принесло конкретных политических результатов, оно становится важнейшим этапом на пути формирования системы взаимоотношений между формировавшимся Калмыцким ханством и Россией. К 40-м гг. XVII в. можно отметить факт вхождения буддийской атрибутики в русско-калмыцкие политические отношения в качестве легитимирующего фактора. Так, в 1645 г. российский посланец А. Кудрявцев, отправленный в калмыцкие улусы, получил наказ из Посольского приказа: «...чтоб они на Куране по своей вере шерть учинили» [13, с. 327].

В 50-е гг. XVII в. буддийская община активно содействовала калмыцкой светской аристократии в решении территориального вопроса. В переговорном процессе 1650 г. Дайчина с российским правительством принял участие и верховный лама ханства. В переписке Посольского приказа с астраханским воеводой упомянуто письмо от «калмыцкого хутугты» (вероятно, верховного ламы) к московскому архимандриту. Кроме того, в калмыцком посольстве в Москву, поднимавшем важнейшие для ханства вопросы о границах кочевий и торговле, участвовал посол от хутугты – «Дайчинов молебщик Амерга» [14, с. 136]. Подписание соответствующего обращения с Дайчином и «калмыцким хутугтой» в очередной раз подчеркивает высокий политический статус духовенства в формирующемся ханстве. Свообразным итогом переговорного процесса, санкционированного Дайчином в 1648 г., становится шерть, подписанная 4 февраля 1655 г. в Бальчинском городке под Астраханью калмыцкими послами Серен-тайшой, Дуралы-тарханом, зайсангом Чокулой [15, с. 116]. Внимательно изучив религиозную сторону легитимации договоров в калмыцкой традиции, российское правительство настаивало на присутствии на церемонии подписании шерти бурхана (буддийской культовой статуэтки) [16, с. 65]. Организация церемонии стала возможной только после

доставки соответствующего бурхана Серен-тайшой и Дуралы-гарханом на место переговоров.

Необходимость заключения соглашения об участии калмыцких войск в войне России с Крымом вызывает обращение российской дипломатии непосредственно к буддийскому духовенству ханства. Для организации переговоров российского посланца И. Горохова с Дайчином его приближенные привлекают «их калмыцкой веры законников» – ламу Эрке и Алдар Кечина. Условием содействия калмыцкого духовенства российскому правительству в организации переговоров с верхушкой калмыцкой элиты становятся «почести немалые» (вероятно, денежное вознаграждение. – *А.К.*) [17, с. 71].

Важнейшим фактором, влиявшим на активность русско-калмыцких отношений в XVII в., являлась внутривластная ситуация в ханстве, взаимоотношения владельцев. Смерть калмыцкого правителя Мончака в 1669 г. вызывает раскол в Калмыцком ханстве и длительную гражданскую войну [18, с. 36]. В этой ситуации наследник Мончака – Аюка, активно борющийся за власть в Калмыцком ханстве, вновь обращается к дипломатии. Буддийское духовенство активно участвует в подготовке шертных съездов. Шертъ, подписанная близ Астрахани, за рекой Соленой при участии астраханского воеводы князя Я.Н. Одоевского, подтверждала основные пункты соглашений 1660-1661 гг. и заканчивалась традиционной формулировкой: «...шертвую по своей калмыцкой вере и поклоняюсь и целую бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичиг и четки», вместо Аюки к грамоте приложил руку багши Чечен-Запсан [19, с. 1]. В 70–90-е гг. XVII в. буддийское духовенство Калмыцкого ханства привлекается Аюкой для организации посольств в Москву. К 1674 г. относятся сведения о двух посольствах, возглавляемых духовенством – посольствах багши Биликту и багши Унитея (Унюдея) [20, с. 73]. Их основными вопросами становятся взаимоотношения Калмыцкого ханства с казаками и участие калмыцкой конницы в походе России на Крым. В конце 70-х гг. XVII в., в соответствии с общей направленностью деятельности Гелуг на формирование кадров национального духовенства, в Тибет была послана на обучение группа калмыков. После получения образования и службы при монастырях Тибета в Калмыцкое ханство в XVIII в. верховным ламой возвращается Шакур-лама, лама Аранджамба становится дзасакту-ламой в Пекине [21, с. 36]. В 1690 г. Аюка получает от Далай-ламы VI Цанйан Гьямцо ханский титул и ханскую печать, зафиксировавшие политический статус правителя.

Во внутренней политике ханства в конце XVII в. буддийское духовенство продолжает активно выполнять посольские функции. В 1692 г. в Москву прибывает посольство гецуля Эрке [22, с. 1]. Кроме того, что функция послов сводилась к передаче листов

тайшей, в «Распросных речах» ламы характеризовали политическую ситуацию в ханстве [22, с. 2, 22, 28]. Активизация внешнеполитической деятельности хана Аюки, проводником которой являлось буддийское духовенство, вызывает первые ограничительные мероприятия российского правительства по отношению к буддийской общине. Небезосновательно находя в калмыцких паломничествах политический подтекст, правительство России вводит ограничения на религиозные контакты Калмыцкого ханства и Тибета. Канцлер Г.И. Головкин 22 января 1715 г. предписал казанскому губернатору П.С. Салтыкову не пропускать послов Аюки в Китай без предварительного согласия российского правительства [23, с. 159]. В соответствии с ограничительными мерами правительства после задержания калмыцких послов в 1714 г. было отказано в паломничестве посланцам ханши Дарма-Балы и жене Чакдоржапа в январе 1717 г. [23, с. 289]. С этого времени вопрос организации и отправки паломничеств в Тибет из Калмыцкого ханства переходит из религиозной плоскости в политическую. Российское правительство определило для себя, что религиозный фактор и паломничество как одно из его проявлений играют важную роль в политической жизни Калмыцкого ханства. Паломничество являлось важнейшей частью буддийской культуры, влиявшей на духовную жизнь ханства. Кроме реализации своей основной задачи – осуществления религиозных ритуалов, посещения монастырских комплексов и иерархов Тибета, паломничество являлось способом реализации тех или иных политических задач калмыцкой светской и духовной элиты. Возможность контролировать калмыцкое буддийское паломничество позволяла российскому правительству влиять на внешнюю и внутреннюю политику Калмыцкого ханства. Позднее, в 20-е гг. XVIII в., разрешение на паломничество в Тибет в русско-калмыцких отношениях рассматривалось как награда за военные успехи и лояльность правительству во внутренней политике Калмыцкого ханства.

Подобные ограничительные меры не повлияли на процесс дальнейшего формирования внутренней структуры калмыцкой сангхи. Иерархи Тибета активно способствовали формированию внутренней структуры калмыцкой буддийской общины. 4 сентября 1718 г. в Тобольск возвращается калмыцкое посольство с «хутухтой» (Шакур-ламой), присланным из Тибета по просьбе Аюки, 5 врачами и 12 «работными людьми», в марте 1719 г. от далай-ламы возвращаются «его Аюкая-хана посланцы 24 человека» [23, с. 182]. Формирование внутренней иерархии сангхи Калмыцкого ханства за счет тибетских лам именно в начале XVIII в. можно объяснить сложной политической ситуацией в Тибете и поиском иерархами Гелуг военной помощи за пределами страны. Так, на организацию откочевки в Джунгарию была направлена внутривластная

деятельность нового главы буддийского духовенства ханства – Шакур-ламы, последовательно реализуемая им в 20-е гг. XVIII в.

Начало XVIII в. – один из важнейших периодов в истории Калмыцкого ханства. При значительном политическом усилении хана Аюки в регионе именно в этот период закладываются предпосылки политического кризиса ханства. В 20–30-е гг. XVIII в. усиливается раскол в светской элите под воздействием ограничительной политики правительства России. Однако именно этот этап является временем низкой активности буддийской общины ханства. Архивные материалы Национального архива Республики Калмыкии (НАРК), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) не содержат информации об активном взаимодействии буддийского духовенства с представителями российского правительства. На наш взгляд, это можно объяснить несколькими причинами: традиционным снижением внутривластной активности сангхи при усилении светской элиты (что фиксируется на разных этапах политической истории ханства), политическим кризисом в Тибете, переключившим внимание буддийской общины на решение внешнеполитических проблем. В 1721 г. хан Аюка вновь поднимает вопрос об организации паломничества в Тибет. Его посланец Асан сообщал в Коллегию иностранных дел (КИД) о просьбе Аюки «... чтоб его отпустить для поклонения к Далай-ламе» [24, с. 62]. Чиновники КИД, выяснив, что дорога в Тибет и обратно может занять 8 лет, при этом хан может умереть в пути, пытаются отговорить его от опасного путешествия. В ответе от 6 апреля 1721 г. хану Аюке предписывалось: «дабы он хан от намеренной своей езды к Далай-ламе как для интересу и его Императорского Величества и службы и для трудного ему самому при старости столь дальнего пути удержался» [24, с. 62]. Астраханскому губернатору А.П. Вольнскому предписывалось «отговорить Аюку всякими удобными образами, а если хан будет настаивать обговорить фигуру наместника» [24, с. 63].

Безосновательно считать, что основной причиной планировавшейся в 1721 г. паломнической поездки

хана Аюки было решение каких-либо политических задач. Вместе с тем при успешной реализации паломничества в 1721 г. смена власти в ханстве смогла быть осуществлена при личном участии Аюки. Буддизм, известный ойратам с конца XII в., распространяется в XVII в. в форме учения школы Гелуг: в союзе со светской элитой создают национальную монашескую общину и национальную письменность, активизируя тем самым культурный обмен и переводческую деятельность в ойратском союзе. Буддийская община группировки Хо-Урлюка, откочевавшей в пределы России, активно влияет на формирование национальной государственности калмыков, способствует консолидации владельцев, формированию монархических традиций, легитимируя статус торгоутской династии духовным авторитетом далай-ламы и религиозной санкцией, формируя систему представлений о социальной стратификации общества, а также регулируя внутривластные противоречия на этапе формирования ханства. Основными направлениями политической деятельности буддийского духовенства в Калмыцком ханстве в XVII – начале XVIII в. становятся: формирование разветвленной системы общин Гелуг и системы обучения национальных кадров, осуществление посольских отношений силами представителей буддийской общины с целью объединения ойратских племен под тибетским идеологическим протекторатом. Буддизм становится одним из важнейших культуuroобразующих факторов калмыцкой духовной традиции, активно влияя на формирование национальной культуры. Буддийское духовенство Калмыцкого ханства, контактируя с российской администрацией, легитимирует систему шертных договоров, участвуя в формировании традиции политических отношений калмыцких владельцев и российской власти. Буддийская идеология становится одним из факторов, обеспечившим Калмыцкому ханству международное и региональное признание, создавшим правовую основу для политического взаимодействия с Джунгарским ханством и российским правительством.

Библиографический список

1. Бичурин, Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XVI столетия до настоящего времени / Н.Я. Бичурин. – Элиста, 1991.
2. Бюлер, Ф.А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт / Ф.А. Бюлер // Отечественные записки. – 1846. – Т. 47.
3. Позднеев, А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А.М. Позднеев. – Элиста, 1993.
4. Пальмов, Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков / Н.Н. Пальмов. – Астрахань, 1926.
5. Дорджиева, Г.Ш. Социальные корни ламаизма и основные вехи его распространения среди ойратов и кал-

6. Дорджиева, Г.Ш. Дорджиева // Ламаизм в Калмыкии. – Элиста, 1977.
7. Бакаева, Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки / Э.П. Бакаева. – Элиста, 1994.
8. Китинов, Б.У. К вопросу о роли алтайских лам в истории буддизма у калмыков в середине XVIII в. / Б.У. Китинов // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1999.
9. Китинов, Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.) / Б.У. Китинов. – М., 2004.
10. Русско-монгольские отношения 1607–1636 : сборник документов. – М., 1959.

Буддийская монашеская община приволжских калмыков и Российское государство...

10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 119. – Оп. 1. 1636. – Д. 2.
11. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1644 (1). – Д. 1.
12. Кичиков, М.Л. Образование Калмыцкого ханства / М.Л. Кичиков. – Элиста, 1994.
13. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1645. – Д. 2.
14. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1650. – Д. 1.
15. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М., 1954.
16. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1655. – Д. 2.
17. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1660. – Д. 4.
18. Батмаев, М.М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. / М.М. Батмаев // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. – Элиста, 1977.
19. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1673. – Д. 2.
20. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. : сборник документов. – Элиста, 2003.
21. Национальный архив Республики Калмыкия. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 63.
22. РГАДА. – Ф. 119. – Оп. 1. 1692. – Д. 2.
23. Русско-китайские отношения в XVIII в. : материалы и документы. – М., 1978.
24. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 119. – Оп. 1729. – Д. 12.